

USA TODAY BESTSELLING AUTHOR

VICTORIA DAHL

Angel

WHAT PRICE WILL SHE
PAY FOR LOVE?

ОНА ПРОДАЕТ УДОВОЛЬСТВИЕ ЗА ДЕНЬГИ... Работа в новоорлеанском борделе единственное, что в своей жизни знает Мелисанда Энжел. Это занятие ничего для нее не значит, ведь это всего лишь способ оставаться сытой, и иметь крышу над головой... пока не появляется Билл Доннелли, который пробуждает внутри девушки нечто такое, чего она никогда не чувствовала раньше. Желание. Мелисанда начинает смотреть на Билла как на мужчину, а не как на клиента, и его визиты превращаются в гораздо большее, чем просто сделки... для них обоих. НО ЕЕ СЕРДЦЕ ОСТАЕТСЯ НЕТРОНУТЫМ... На протяжении многих лет Мелисанда была вынуждена заботиться о себе сама, и оказывается потрясена, когда обнаруживает, что кто-то другой хочет ухаживать за ней. Мужчины никогда не предлагали ей ничего, кроме боли, и она никогда не мечтала о большем. Поэтому, когда Билл предложил девушке новую жизнь для них обоих, то Мелисанда задалась вопросом, сможет ли она найти в себе мужество, чтобы доверить ему свое тело и сердце?

Глава 1

* * *

Новый Орлеан, 1874

Мелисанда накинула шаль на голову и обернула ею плечи. Бросив взгляд в небольшое круглое зеркало, которое висело на обратной стороне двери, девушка натянула синий платок на лоб, чтобы защититься от морозного зимнего воздуха. В любом случае именно в этом она себя уверяла. В основном же шаль должна была спрятать её лицо от людских взглядов. И хотя было Рождественское утро — это не означало, что люди проявляли свою лояльность, особенно к таким женщинам как она.

Мелисанда надела своё самое скромное платье из хорошей серой шерсти, которое, вероятно, маскировало девушку даже больше, чем сама шаль. Никто на улице не стал бы разглядывать её одежду и задаваться вопросом, блудница ли она, до тех пор, пока не увидел бы, как она покидала бордель. Но было раннее утро и Рождество, так что в этой части города стояла такая же тишина как в церкви.

Улыбнувшись от подобного неуместного сравнения, она покинула свою крошечную комнату и на цыпочках прошла по коридору, чтобы не разбудить остальных. Мелисанда надеялась, что у некоторых девушек появилась возможность поспать подольше, потому что они это заслужили. С остальными же она просто не хотела иметь дело.

В нескольких заведениях, где она работала, праздник был поводом для отдыха, однако, ненадолго. Горничные и шлюхи вместе трудились на кухне, чтобы приготовить какие-нибудь особенные блюда, и за день или два, эти ароматы настолько заполняли помещение, что в нём начинало пахнуть как дома. Девушка могла закрыть глаза и представить, что вернулась к своей матери, живой и невредимой.

Но этот дом не был похож на тот. Это было не только худшее место, где она работала, но и не самое тёплое. Здесь девушки соревновались друг с другом за всё: за каждое пенни, за купленную для себя еду, которую они прятали словно сокровище. Никто не собирался войти в долю и помочь приготовить «Джамбалайю» (*прим. ред.: Джамбалайя (англ. Jambalaya) — креольское блюдо на основе риса; вариант плова*) или торт «Рождественское полено», поэтому кухня была пуста, как и надеялась Мелисанда, когда пришла туда. В борделе завтрак

не подавали до полудня.

Она открыла замок на задней двери, и мягко прикрыв её за собой, проскользнула в переулочек. «Наконец-то свобода», — девушка глубоко вздохнула, потрясённая тем, насколько морозным оказался воздух. Холодная температура держалась уже третьи сутки, двое из которых Мелисанда не выходила на улицу. Чистый воздух заполнил её легкие, когда она вдохнула. Никакого намёка на сигарный дым и потные тела. Её дыхание сопровождалось паром, когда девушка выдохнула с облегчением.

Как только Мелисанда позволила себе расслабиться, то услышала шорох и развернулась на звук, неровно вздохнув и тревожно поднимая руки.

— Сожалею, — произнес мужчина, когда поднялся с ящика, который стоял рядом с дверью. — Это всего лишь я.

«Я?» Восходящее солнце светило позади него и всё, что Мелисанда могла разобрать — это широкие плечи на большом теле, а так же шляпу, надвинутую на лоб, которая оберегала голову мужчины от холода.

— Это Билл, — сказал он, и Мелисанда узнала его тихий и глубокий голос. — Билл Доннелли.

— Билл, — повторила девушка, и её натянутые мышцы утратили свою напряженность. Многие клиенты, с которыми она ложилась в постель, слегка пугали её, но Билл не был одним из них. На самом деле, совсем наоборот. Он всегда был добр и нежен, как будто Мелисанда являлась его возлюбленной. — Я не... — она проглотила остатки тревоги, — прямо сейчас я не работаю.

— Конечно, нет, — мужчина отошёл от стены, и девушка, наконец, смогла разглядеть его лицо: широкий лоб, высокие скулы и обветренную кожу. — Рождество ведь, — сказал Билл.

Несмотря на холод, он снял шляпу, кивнув белокурой головой в знак приветствия.

— Да, точно. Сегодня будет много клиентов.

— Сегодня?

Его хмурый, переполненный замешательством взгляд очаровал Мелисанду. Одной из причин, почему с ним девушка чувствовала себя в безопасности, было то, что он видел хорошее во всём мире. И в ней.

Мелисанда устало улыбнулась.

— Многие мужчины считают времяпровождение с семьёй утомительным. Сегодня не сильно отличается от любой другой ночи: будь то праздник или нет.

— Я был уверен, что сегодня у тебя выходной.

Настала её очередь пребывать в замешательстве.

— Тогда что ты здесь делаешь?

Его щёки стали ярко-красного цвета.

— Вот, — сказал Билл, и когда протянул руку, Мелисанда заметила маленькую коробочку в середине его ладони.

Девушка смотрела на деревянную коробочку, пока не осознала, что холод начал просачиваться сквозь её сапоги к подошвам ног.

— Я постучал в дверь, но никто не открыл. Подумал, что служанка на кухне скоро появится, — когда девушка не ответила, мужчина немного приподнял ладонь. — Это подарок.

— Для меня? — Мелисанда прижала руки в перчатках поближе к груди и напряжённо

сжала пальцы. К коробочке она не притронулась. — Но почему?

— Я... — мужчина покачал головой. — Мне просто показалось, что тебе должно это понравиться. Когда я увидел это, то подумал о тебе.

Подарок для неё. В этом не было никакого смысла. Мелисанда поглядела на мужчину с опаской.

— Я не знаю, должна ли принять его.

Билл накрыл рукой подарок.

— Почему?

Потому что ей мерещился подвох. Девушка покачала головой.

— Тебе нужно подумать?

Она отступила назад, пока все еще наблюдала за ним. Девушка не знала, как должна была поступить, но почему-то это решение казалось ей весьма важным.

— Я иду на мессу, так что мне не стоит задерживаться.

— Блудницы ходят в церковь? — спросил Билл, высоко подняв брови.

Мелисанда наклонила голову, пока её плечи напряглись от шока.

— Некоторые ходят, — отрезала девушка.

— Прости, — покаялся мужчина даже прежде, чем она закончила говорить. — Я не это имел в виду.

— Не имел в виду что? Что я — шлюха? Или что Бог не может любить меня?

— Мелисанда... извини. Просто возьми это, — он схватил её за руку и перевернул, чтобы положить на ладошку подарок. — Последний раз, когда я был здесь, ты сказала, что твоей семьи больше нет, и я переживал о том, что нет никого, кто мог бы пожелать тебе счастливого Рождества. Вот и всё. Извини, если побеспокоил тебя.

Девушка посмотрела вниз на руку и коробочку, которую мужчина принёс для неё. Она сказала ему, что у неё не было семьи? Должно быть, когда лежала с ним в постели после секса. Он оказывал на Мелисанду странный эффект. Она не могла понять, почему, но он ей нравился. Билл не был похож на других.

Правда в том, что её мать была жива, но Мелисанда ушла от неё много лет назад. Мать превратила её в проститутку в возрасте тринадцати лет. Она терпела это до семнадцати, а потом поняла, что лучше у неё вообще не будет матери, чем будет та, что заставляла её этим заниматься.

У девушки где-то были даже тетя и кузены, но они были уважаемыми людьми, слишком порядочными для такой как Мелисанда.

— Мне надо идти, — тихо сказала она, пока всё ещё смотрела на подарок.

— Я провожу тебя, если хочешь.

Это потрясло её гораздо больше, чем презент. Мелисанда хмуро посмотрела на мужчину.

— Проводишь шлюху до церкви?

Мужчина поджал губы. Он казался мрачным человеком, которому нелегко давалась улыбка, и его высокий рост заставил девушку понервничать, когда он посетил её впервые. Сейчас же Билл выглядел как никогда сердитым.

— Всего лишь удивился, что ты захотела туда пойти. Я разочаровался в церкви давным-давно. Полагал, что и ты тоже. Но составлю тебе компанию, если возьмешь меня с собой. Хотя, возможно, ты предпочитаешь быть в одиночестве.

Честно говоря, Мелисанда не была уверена, что хотела находиться в одиночестве. Когда

она работала, то жаждала этого одиночества. Хотя бы часа наедине с собой, без постороннего тела, которое вторгалось в неё. Но когда девушка оставалась одна, то чувствовала себя одинокой, потому что в этом мире не осталось больше души, которая бы любила её.

Именно поэтому Мелисанда по-прежнему ходила в церковь при первой возможности.

— Ты можешь проводить меня, — импульсивно произнесла она. — Если хочешь. Но внутрь не заходи. Я не могу находиться там с мужчиной.

Напряжение с его лица сошло на нет.

— Хорошо. Спасибо.

Девушка повернулась, чтобы продолжить путь к церкви, и нахмурилась от того, что он поблагодарил её, как будто для него было большой честью сопровождать такую женщину куда-либо. Билл шёл рядом с ней, почтительно сложив руки за спиной, как будто посылал ей сигнал о том, что не обидит. Мелисанда чувствовала, что он бросал на неё косые взгляды, но мужчина так и не проронил ни слова.

Они вышли на улицу, которая была залита солнечным светом, но это не спасало от холода. Мелисанда была уверена, что её нос покраснел, но она старалась не чувствовать себя неловко из-за этого. Его бледные ирландские щёки до сих пор были розовыми от ветра.

Билл всегда ей нравился. Золотистые волосы, белая кожа и тёмно-карие глаза. Его бледность казалась прекрасным дополнением к её коричневой коже. Когда руки мужчины скользили по её бедру, то от этого у Мелисанды горела кожа. Странно, что она воспринимала Билла таким образом, в то время как другие белокожие мужчины казались ей большими.

— Разве ты не проводишь Рождество со своим братом? — спросила она.

Он как-то упомянул о том, что у него есть старший брат.

— Он сбежал в Калифорнию. Думаю, что он исчез точно так же, как и другие мои братья. Один в Мексику. Один вернулся в Ирландию. Он родился здесь, как и я, но после смерти мамы, не мог дожидаться того дня, когда вернётся на родину.

— Получается, что у тебя тоже нет никого, кто пожелал бы тебе счастливого Рождества?

— Нет, но я и не против. Все хорошо.

Было приятно идти с ним по улице; здания становились всё меньше и проще, по мере того, как они шагали дальше. Брусчатка под ногами была устойчивее. Сегодня всё пахло чистотой, дымком и специями, что уносило её заботы прочь всякий раз, когда она вдыхала эти ароматы.

Они достигли церкви раньше, чем девушке бы того хотелось, и вдруг их окружил шум, движение и слишком большое количество людей.

Мелисанда колебалась, пока стояла у чугунной ограды погоста, потому что не хотела, чтобы их интерлюдия заканчивалась.

— Ты можешь войти, — предложила она. — Но не вместе со мной. Сядешь рядом с другими белыми людьми.

— Я подожду здесь.

— Почему? — не такого ответа она ожидала.

— Потому что я так хочу. Если, конечно, ты не желаешь, чтобы я ушёл.

Было бы лучше сказать ему, что он должен уйти. Мелисанда знала это. Любое поощрение с её стороны и некоторые мужчины могли решить, что они уже не просто

клиенты, а люди с определёнными правами на неё. Она видела, как это происходило с другими девушками. Мелисанда должна была отправить Билла прочь с простым «спасибо» и на этом успокоиться.

Но если бы она отослала его восвояси, то осталась бы одна, как только месса подошла бы к концу. А затем ей пришлось бы вернуться в свою комнату, постирать необходимое белье, заправить постель и к ужину возвратиться к работе шлюхи.

— Ты не замёрзнешь? — спросила девушка.

Мужчина пожал плечами и натянул шляпу пониже, когда Мелисанда кивнула в знак прощания и поднялась по ступеням церкви.

Она перекрестилась святой водой из купели, а потом прочитала короткую молитву и встала на колени недалеко от выхода у последнего ряда. Мелисанда всегда сидела в последнем ряду, неважно, насколько пустой или переполненной была церковь. Сдвинув шаль вниз, чтобы снова скрыть лоб, девушка наклонила голову и раскрыла руки, в которых пряталась маленькая коробочка.

Стояло довольно тихое утро. Большинство прихожан этой церкви уже посетили мессу, прежде чем присоединиться к своим семьям, чтобы начать праздновать. Но Мелисанда никогда не посещала Рождественскую мессу с тех пор, как была маленькой девочкой. Она всегда была слишком занята работой.

Девушка знала молитвы и песни наизусть, поэтому обычно закрывала глаза и растворялась в благовониях и музыке, но сегодня она разглядывала коробочку в руке, пока поворачивала её снова и снова, в такт словам священника.

На коробочке не было никаких надписей, никаких декоративных элементов. Она была лёгкой, из дешёвой древесины и с простой крышечкой. Возможно, Билл сделал её сам. Он был плотником. Мастером на все руки.

И Мелисанда боялась открывать её.

Начался её любимый Рождественский гимн, так что девушка подняла голову и запела о милости младенца Иисуса. Скоро должно было начаться причастие, но она как всегда останется на своём месте, в надежде, что её никто не заметит.

Она никогда не отлучалась от церкви. Как и прежде, являлась её прихожанкой, которую крестили при рождении. Её тётя даже убедилась, что она была невинна в тринадцать лет. Спустя двадцать два дня после подтверждения этого, мать Мелисанды продала её мужчине за пятьдесят долларов. Это целое состояние, на самом деле. Цена за лишение милой маленькой девочки девственности.

Мелисанда до сих пор надеялась, что Бог по-прежнему любил её. Ей казалось, она чувствовала это, пока сидела под витражом с изображением распятого Спасителя. Со священником, однако, была другая история. Он не стал бы по-доброму относиться к ней, если бы узнал, кем она была, поэтому девушка держалась подальше от его глаз и тихо произносила свои молитвы.

В любом случае, она не особо верила в церковь и её правила. Просто хотела почувствовать немного любви, пока находилась здесь. Немного покоя.

Когда Мелисанда открыла глаза, коробочка всё ещё была у неё в руке. Ничего не изменилось.

Билл был слишком добр, чтобы подшутить над ней таким образом, не так ли? Сначала он называл её «мисс» вместо «девушка». Когда Мелисанда назвала ему свое имя, то мужчина спросил, мог ли он его использовать, и если делал это, то говорил с нежностью.

Она никогда не чувствовала себя грязной с ним, даже потом, когда принимала душ или пересчитывала оставленные им деньги.

— Аминь, — прошептала Мелисанда вместе с сотнями других грешников в церкви, а затем скинула перчатки и сняла крышку с коробки.

Внутри был просто комочек белой ткани, насколько она смогла рассмотреть. Мелисанда открыла коробочку ещё больше и развернула ткань. Внутри дешёвого лоскутка она обнаружила ленточку с кулоном.

Нечто весьма недорогое, с крайне неброским камнем, который был вставлен в олово и свисал с простой чёрной ленточки. И хотя кулон оказался размером с ноготь на её большом пальце, он сиял розовым и белым серебром даже при свете свечей в церкви. Выгравированная на его гладкой поверхности птичка, махала своими крошечными крыльями в полёте.

Слезы защипали глаза девушки. Она аккуратно взяла в руку кулон и опустилась на колени в молитве, как и все вокруг.

Почему Билл подумал о ней, когда увидел это? Это была изящная вещь. Милая и чистая. Ничего общего с ней. Слезы текли по щекам, когда Мелисанда бормотала латинские слова, значения которых не понимала, с тяжёлым сердцем, отважно пытавшемся найти свой путь к Богу.

Что Билл мог хотеть от неё? Почему он думал о ней?

К тому времени, как закончилась месса, девушка успела промокнуть глаза и найти утешение, за которым приходила. Прежде чем подняться, Мелисанда завязала ленточку на шее. В ямочке у основания горла чувствовался холодок от кулона.

Прошло более получаса. Она знала, что он не будет ждать её так долго, но когда вышла на улицу, всё равно начала искать его взглядом. Билла нигде не было.

Девушка проглотила обиду, как и тысячу других, и расправила плечи. Неважно, что он ушел. Ей не нужен был мужчина, который мог бы проводить её до дома. Мелисанду никогда никто раньше не провожал. Один маленький подарок ничего не изменил.

Девушка вдохнула, втянув с воздухом запах ладана, который плыл через церковные двери, а затем пошла вниз по улице.

Глава 2

* * *

Она прошла мимо железных ворот, где Билл попрощался с ней, оглянулась на всякий случай, но мужчины нигде не было. Ох, конечно же, его не было.

Мелисанда коснулась теперь уже тёплого кулона на шее и надела перчатки. Было холодно. Он ушёл. Но придёт сегодня вечером и купит час её времени, вот тогда она и поблагодарит его.

Гул разговоров и шагов предупредил девушку о скоплении людей, которые покидали церковь у неё за спиной. Мелисанда наклонила голову и поспешила к тихой боковой улице, чтобы исчезнуть.

— Мелисанда?

Она замешкалась на секунду и обернулась, чтобы увидеть, как Билл вышел из тени маленького домика.

— Я не был уверен, что ты захочешь увидеть меня снова, — пояснил он. А затем его взгляд упал на украшение, и обычно серьёзно поджатые губы превратились в улыбку. — Ты

открыла.

Хоть она и не могла ничего почувствовать через свою перчатку, но всё же коснулась кулона ещё раз, покраснев от удовольствия под взглядом его тёплых карих глаз.

— Он такой красивый, — прошептала девушка, и у неё снова сжалось горло от эмоций.

— Тебе нравится? — Билл казался таким молодым, когда с надеждой посмотрел на неё, и Мелисанда вспомнила, что он лишь на несколько лет старше её. Если она не ошибалась, ему было двадцать шесть. Билл всегда выглядел взрослее, но в этот момент девушка увидела мальчишку под закалённым фасадом мужчины, и девочка, скрывавшаяся глубоко внутри её, затрепетала от счастья. — Ничего особенного, — промолвил тот, когда она не ответила, но это было не так.

— Очень красивый.

Довольная улыбка на лице мужчины, отразилась в его глазах.

— На тебе он смотрится именно так, как я себе и представлял.

Мелисанда пожалела, что сейчас не имела возможности посмотреться в зеркало и увидеть светлый кулон на своей коже, рассмотреть, что Билл представлял, когда думал о ней. Странно, что он размышлял об этом, а не о том, чем они занимались в постели.

Мужчина повернул голову в сторону соседней улицы.

— За углом есть магазин, в котором продают тёплые имбирные пряники. Запах уже сводит меня с ума. Не возражаешь, если мы зайдём туда перекусить?

Люди проходили мимо них, спеша домой, чтобы начать подготовку своих Рождественских ужинов. Никто даже не взглянул в её сторону. У них были семьи, к которым они могли вернуться.

— Я не ела имбирные пряники несколько лет, — сказала она.

Мужчина просто предложил руку, без очаровательной улыбки или галантного поклона. Она коснулась пальцами его рукава и почувствовала, как на её щеках вновь возник румянец. Глупости. Девушка уже становилась для него на колени несколько раз. Это абсурдно, не так ли? Но бабочки запорхали у неё в животе, когда они подошли к соседней улице и свернули за угол.

Из магазина вышла женщина, и Мелисанда убрала пальцы с руки Билла. Белые мужчины не обращали внимания на подобные мелочи, но она никогда не станет светлокожей, чтобы проскользнуть мимо пренебрежения белой женщины, даже здесь, в Новом Орлеане. Девушка уже слышала, что в других местах всё обстояло гораздо хуже.

Билл купил им два больших пряника, от которых исходил пар, когда они медленно брели по улице. Вкус распространился по языку Мелисанды, и она застонала от удовольствия.

— Это лучшее, что я когда-либо пробовала.

— На вкус как Рождество, правда?

Они дошли до реки и сели на ограждение, чтобы понаблюдать за коричневыми волнами и насладиться пряниками. Мужчины работали на доках, и можно было слышать постоянный поток испанских ругательств вперемешку с французскими недалеко от места, где сидели Билл с Мелисандой. Корабли прибывали и отправлялись в это Рождество, как и в любой другой день.

— Я видела океан однажды, — сказала она. — Моя мать и тётя показывали его мне, когда я была маленькой девочкой. Он был голубым как небо.

— Океан меняется каждый день, — произнес Билл. — Сегодня он синий и прозрачный,

а завтра мутный и серый.

Что-то такое было в его голосе, что всегда очень привлекало её. Она слышала сотни различных акцентов в Новом Орлеане. Иногда казалось, что весь мир стекался сюда каждый день. Но акцент Билла был её любимым. Мужчина родился в Норфолке, поэтому у него присутствовал небольшой акцент Вирджинии, но также чувствовался и ирландский акцент его матери с капелькой Орлеанского.

— Ты скучаешь? — спросила Мелисанда.

— Немного. Но, проклятье, невероятно холодно рядом с морем в зимнее время, даже в Вирджинии. Прости меня за мой язык.

Она рассмеялась над его странным рыцарством, пока ещё один кусочек пряника таял у неё во рту.

— Ты всегда жила здесь? — спросил мужчина.

— Да. Всегда.

Девушка бросила крошки любопытным чайкам и отломил кусочек побольше для себя.

— Мелисанда, — Билл произнёс её имя так медленно, что она удивлённо обернулась к нему.

— Что?

— Ты самое красивое, что я видел в жизни.

Она проглотила сладкое лакомство и нахмурилась, когда его слова дошли до неё. Девушка не была красива. И прекрасно знала об этом. Её лицо было сносным, а короткое тело достаточно пышным, чтобы удовлетворять мужчин, которым нравились фигуры такого типа.

— Ты не должен так говорить, — сказала Мелисанда.

Она понятия не имела, что за игру вёл Билл.

Он выдержал её взгляд в течение долгого мгновения, прежде чем повернулся взглянуть на проплывающий теплоход.

— Я чувствую какое-то успокоение, когда смотрю на тебя, — произнёс мужчина.

Мелисанда уставилась на его профиль в полном замешательстве.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — прошептала она.

Билл пожал своим огромным плечом.

— Всё просто. Знаю, я для тебя всего лишь клиент, но ты помогаешь мне чувствовать себя менее одиноким в этом городе.

Девушка не могла придумать, что ответить. Это правда? Он был всего лишь клиентом? Билл приходил к ней каждые две недели, и всегда при виде него Мелисанда испытывала радость. Он непросто склонялся над ней и брал. Мужчина был первым, кто прикасался к ней. Подготавливал. И в отличие от большинства клиентов, которые приходили к ней, пахнувшие недельным потом, Билл, по крайней мере, всегда принимал ванну, прежде чем навещал её. Ещё одна маленькая любезность, означавшая для неё очень много.

Но в последнее время девушка чувствовала больше чем радость при встрече с ним. Она чувствовала себя счастливой. Потому что Билл тоже дарил ей успокоение. А после они лежали вдвоём в темноте и разговаривали. Девушка испытывала наслаждение, когда прижималась к нему, кожа к коже, хотя обычно скатывалась с постели как можно быстрее, чтобы мужчина не жаловался.

— Я не приготовила тебе подарок, — прошептала она ему вместо ответа.

— Я не ожидал никакого подарка. Просто намеревался сделать тебе приятно.

— Хочешь пойти в мою комнату?

Он, наконец, отвернулся от реки и встретился с ней взглядом.

— Я не за этим пришёл сегодня.

— Знаю. Поэтому и прошу.

Билл нахмурился, как будто ощутил внезапный приступ боли.

— Мне следует отказаться.

— Почему? Я прошу от всей души.

— Правда?

Он изучал её лицо, пока девушка не стала настолько нервной, что ей пришлось улыбнуться и отвернуться.

— Ты не должен оставаться один в Рождество, — сказала Мелисанда. — Зайдём в мою комнату ненадолго.

Билл, наконец, кивнул и встал, чтобы помочь ей подняться. Они шли совсем близко друг к другу, хотя и не разговаривали.

Она провела его в дом через кухонную дверь. Горничные уже находились на ногах, но едва обратили на него внимание. Не было ничего неприличного в том, что какой-то странный мужчина находился в доме.

Хотя Билл и был большим мужчиной, но мягко ступал по лестнице, и девушка почувствовала облегчение оттого, что он так же, как и она хотел оставаться незамеченным, когда они прокрадывались через коридор.

Он хорошо знал её комнату, но всё ещё неуверенно стоял в дверях, когда она закрыла за ними дверь и повесила шаль на крючок. Утром одна из служанок оставила чистые простыни на комод, как обычно.

Мелисанда сняла простыни с прошлой ночи и перестелила кровать, понимая, что Билл спокойно за ней наблюдал. Она расшнуровала ботинки и аккуратно поставила их под стул в углу, а затем расстегнула платье.

Когда девушка пошла, чтобы повесить его, то увидела себя в зеркале на обратной стороне двери и остановилась, дабы посмотреть на кулон, висящий у основания горла. Он был такой нежный. Розовый и блестящий на её коже. Она прикоснулась к нему и наклонила голову, чтобы позволить ободочку поймать больше света. Скинула сорочку с плеч, поэтому всё, что она видела — это её кожа и лента с кулоном на шее.

Повернувшись к Биллу, она сняла всю одежду и встала перед ним обнажённой. Он окинул её горячим, голодным взглядом, но не стал набрасываться. Его руки свободно свисали по бокам.

Мелисанда медленно подошла к нему, стянула пальто с его широких плеч и сильных рук, и теперь смогла почувствовать тело мужчины под слоем одежды. Куртка упала на пол, и девушка принялась за пуговицы на его рубашке. Прежде чем ей удалось расстегнуть половину из них, он остановил руку девушки, а затем приподнял её подбородок.

— Ты такая красивая, — прошептал Билл, прежде чем прижался своими губами к её. Много мужчин целовали Мелисанду в процессе её работы, но никто и никогда не целовал девушку так. Нежно, осторожно, лаская губами без зубов, языка или слюней. Он целовал её так, будто она была драгоценностью, а не дешёвкой. Бесценной, а не той, которую можно легко купить.

Мелисанда уже была голой. Билл мог просто снять свои брюки и войти в неё. Он не должен был целовать её. Но мужчина это делал.

Когда его язык, наконец, коснулся её, она всхлипнула, вообще-то, заскулила, как будто бы до этого не пробовала тысячи других языков. Он был сладким и пряным, и Мелисанда обнаружила, что приподнялась на носочках, чтобы доставать до его губ.

Большие руки мужчины двинулись вниз, чтобы обхватить её за попку, и, когда его рот оставил девушку, она вскрикнула, чтобы набрать воздуха в лёгкие. Билл наклонился, чтобы поцеловать её в шею, слегка покусывая зубами кожу под ухом. Выгнув шею, Мелисанда позволила ему поднять её и отнести прямо на кровать.

Она раздвинула ноги, хотела встать и расстегнуть переднюю часть штанов мужчины, но его рот не покидал её. Билл проложил дорожку из поцелуев вниз по шее и груди девушки, пока не всосал один из сосков в рот.

— Ах, — простонала Мелисанда в то время, пока мужчина дразнил её своим языком. Она вонзила пальцы в его мягкие волосы и притянула ближе. Он был так осторожен, а ей хотелось большего. Билл застонал у груди девушки и посасывал сосок до тех пор, пока спина Мелисанды не изогнулась на кровати. — Да, — убеждала она мужчину, раздвинув ноги еще шире, потому что хотела, чтобы он коснулся её там.

Девушка взяла его руку в свою и опустила вниз по животу. Когда своими пальцами он нашел её центр, они оба ахнули. Даже Мелисанда удивилась тому, насколько влажной и чувствительной она оказалась. Билл поднял голову и посмотрел на её тело, когда заскользил своими пальцами вдоль щёлочки девушки.

Когда же Билл упал на колени рядом с кроватью, Мелисанда выпучила глаза.

— Я всегда хотел сделать это, — бормотал Билл, а затем погладил бёдра девушки руками и широко развел в стороны ноги Мелисанды.

Она знала, что он хотел сделать, но, когда его язык коснулся её лона, девушка вскрикнула от удовольствия. Каждый мускул в её теле натянулся от удивления.

Мужчины и раньше делали подобное для неё. Для некоторых это было всем, чего они хотели. Вылизывать её, в то время как мастурбировали свои члены. Она ненавидела это. Это чувствовалось слишком близко. Чересчур интимно: их языки внутри её, сопение носами, пожирание глазами, которое она никогда не видела сама. Девушка всегда просто сжимала руки в кулаки и смотрела в потолок, чтобы переждать неизбежное кряхтение и постанывание в момент их кульминации. Всё равно, для некоторых из них этого было недостаточно, некоторые пялились на неё, а потом и требовали, чтобы она ответила на вопросы: «Тебе понравилось? Ты любишь это, девочка?»

Она ненавидела это всякий раз... но не сейчас. Билл дразнил Мелисанду лёгкими полизываниями, что заставляло её устремиться ближе к нему. Мужчина кружил своим языком снова и снова, пока обрабатывал ту точку удовольствия, до которой некоторые мужчины ленились даже дотронуться.

До того, как девушка встретила Билла, она наслаждалась сексом с несколькими предыдущими клиентами. Это было хорошо. Не ужасно. Но сейчас было не просто хорошо... сейчас всё было замечательно. Красиво. Дико. Она развела колени шире и подняла голову, чтобы посмотреть на него. Его глаза были закрыты. Лицо расслаблено. Большая ладонь легла ей на живот, а другой мужчина обхватил её бедро.

Она тяжело дышала, пока стремилась к удовольствию, которое дарил его рот.

— Билл, — задохнулась она. — Да... Да...

Мелисанда знала, что он не станет иронизировать над ней после, особенно из-за того, как сильно ей это понравилось. Девушка могла позволить этому мужчине увидеть правду.

Услышать её. Поэтому она поощрила его действия, сильнее сжав рукой волосы.

— Вот здесь, — прошептала Мелисанда. — Вот здесь.

Он лизал всё быстрее и быстрее.

Внутри зарождалось такое наслаждение, которого она никогда не испытывала с мужчиной. Девушка сама доводила себя до оргазма раньше, но ни разу не достигала его с другим мужчиной. Её удовольствие было слишком личным, чтобы им делиться. Слишком уязвимым.

Но она открыла ему себя. Вздыхала, стонала и хныкала, когда Билл скользнул пальцем внутрь и отправил её через край. Крик вырвался из горла, когда наслаждение охватило тело девушки, распространив дрожь по каждой мышце. Она толкала бёдра вверх, снова и снова, как будто хотела получить ещё больше экстаза от его языка, приблизившись к нему вплотную.

Удовлетворение волнами накатывало на её тело, пока она, наконец, не притихла, медленно опустив бедра обратно на кровать. Билл поднял голову, его глаза были тёмными от страсти, а рот мокрым от соков лона девушки.

Тяжело дыша, она смотрела на него, слишком ошеломлённая, чтобы думать, что ещё можно было сделать, кроме как подождать, пока её бедра не прекратят дрожать.

В конце концов, Мелисанда улыбнулась, и когда Билл ответил ей тем же, рассмеялась от восторга. Это было так странно. Странно и прекрасно.

Ей удалось собраться с силами, чтобы сесть и пододвинуться на край матраса.

— Иди сюда, — медленно произнесла она.

Билл встал, и она потянулась, чтобы до конца расстегнуть его рубашку. Он спустил подтяжки вниз, когда девушка вытянула сорочку из брюк.

Потребовалось лишь мгновение, чтобы расстегнуть штаны, а затем она полезла в них, чтобы обернуть руку вокруг его члена. Вдох облегчения снова заставил её улыбнуться. Он всхлипнул так, словно был спасён от верной смерти.

Когда Билл впервые заплатил ей за секс, Мелисанда поморщилась при виде его пениса. Ни одна шлюха не желала заморачиваться с огромным членом. Это больно. И она встречала мужчин, которым нравилось подобное. С женой или возлюбленной, они должны были быть более осторожными, но со шлюхой могли использовать эту штуку так, как хотели, без послаблений или медленных движений.

Поэтому в первый раз, когда Билл пришёл к ней в комнату, чтобы переспать, Мелисанда отнеслась к мужчине настороженно и надеялась лишь на несколько секунд дискомфорта, прежде чем он кончит.

Но Билл удивил её. Вместо того, чтобы протолкнуться ей между ног, он лег рядом, и уперся своей горячей эрекцией девушке в бедро. Мужчина прикоснулся к Мелисанде. Он обхватил её за грудь, подразнил соски, а затем погладил лоно. Девушка хмуро уставилась в потолок, на секунду подумав, что всё слишком затянулось. Но потом Мелисанда стала влажной от его действий, а пальцы мужчины заскользили по ней так нежно, что она возбудилась ещё сильнее. Девушка успокоилось; расслабила бедра, а потом и все тело покинуло напряжение, которое ощущалось от прикосновений мужчины в самом начале. Когда Билл, наконец, встал на колени между ног девушки, она была готова для него задолго до того, как увидела, что тот начал распределять соки из её лона по своему члену, чтобы сделать его скользким.

Лишь потом она оценила красоту его члена, и вот сейчас, они оба вздохнули, когда

девушка сняла с Билла всю одежду и погладила его. Фаллос был толстым, да, но он был прямым, красивым и чистым.

Она наклонилась, чтобы поцеловать мужчину в живот, позволив члену заскользнуть по её щеке, пока дразнила его. Девушка вдохнула уже такой знакомый запах Билла.

— Мелисанда, — грубо прошептал мужчина.

Она чувствовала, как его руки парили над её головой и улыбнулась.

— Не терпится, милый?

— Нет, — сказал он. — Да.

Мелисанда погладила язычком головку его члена и услышала, как он зашипел сквозь зубы.

— М-м-м, — вместо того, чтобы облизать его ещё больше, она прошлась губами вниз по эрекции. — Обычно ты не торопишься, — прошептала девушка.

— Я все еще чувствую твой вкус.

— Вот почему ты выглядишь таким напряжённым, словно сейчас лопнешь?

— Да.

Мелисанда сочувственно застонала, но вместо того, чтобы взять его в рот, обернула пальцы вокруг члена и сжала.

— Ты твёрдый как железо.

— Да.

Это было весело. Мелисанда была в состоянии дразнить его, зная, что мужчина не мог просто схватить её и трахнуть, когда устанет от ласк. Билл не был могущественным, или богатым, или очаровательным. Он был просто хорошим. Сладким. Потрясающим.

Девушка расстегнула его штаны и поманила мужчину присоединиться к ней. Как только он разделся и лёг на кровать, она оседлала его мускулистые бедра. Член напрягся у её живота в ожидании.

— Думала, ты сделаешь мне больно, — пробормотала она, — в первый раз.

— Никогда.

— Сейчас я это понимаю, — девушка слегка провела ладонью по основанию, а затем опустилась вниз к яичкам. Он закричал от удовольствия, толкнувшись членом вперёд, снова желая ощутить её прикосновения. — Я думала, что он причинит мне боль... — Мелисанда прошлась рукой по всему стволу, а затем по головке, сняв пальцами капельку жидкого жемчуга с кончика. — Но теперь мне нравится чувствовать его в себе.

Билл простонал её имя, но она продолжила дразнить его, даже когда большие руки устроились на её бёдрах и сжали их. Девушка обернула ладонь вокруг члена и погладила. Его бедра оживились.

— Тебе нравится находиться во мне? — спросила Мелисанда.

— Боже, да...

Она приподнялась и перекинула ногу через его тело, зависнув над членом. Мужчина поднял голову, чтобы посмотреть, как она будет опускаться на него. Головка пениса проскользнула в её влажные складочки.

Билл застонал и толкнулся вверх, но его фаллос оказался слишком толстым, чтобы легко проскользнуть в лоно, несмотря на очевидное возбуждение девушки. Мелисанда рассмеялась. Он никогда не был таким нетерпеливым раньше.

Её тело напряглось, когда девушка сместилась ниже. Сначала немного. Затем ещё на дюйм. Член растягивал её. Мелисанда закрыла глаза и начала садиться, почувствовав, как

тело с готовностью приняло его. Ощущала ли она когда-нибудь такое до него? По-настоящему?

Девушка дышала сквозь приоткрытые губы, и начала задыхаться, когда дошла до толстой части члена и полностью села на него.

— Ах, — вздохнула она.

Когда Мелисанда открыла глаза, то обнаружила, что взгляд Билла был прикован к её лицу.

— Ты выглядишь как ангел, — прошептал он.

— Как это может быть правдой? — нахмурилась девушка.

Он покачал головой и потянулся вверх, чтобы обхватить рукой её за шею и наклонить вперёд. Мелисанда прислонилась к нему и приняла поцелуй, который подарил Билл.

— Ты — чудо, — сказал он ей прямо в губы.

Девушка хотела отругать мужчину за кощунство, но не стала этого делать. Это был слишком дорогой подарок.

Как только её тело расслабилось на нём, Мелисанда приподнялась и посмотрела Биллу в лицо, когда начала двигаться поверх мужчины. Она скакала на нём медленно и глубоко, пока впитывала всё удовольствие от его пылающего взгляда и вида напряжённой челюсти.

Ей никогда не нравилась эта позиция. Девушка всегда чувствовала себя слишком открытой. Было лучше, когда мужчина находился за спиной, где она не могла его видеть, или на ней сверху, накрыв её тело своим. Находиться сверху означало, что мужчина мог видеть её лицо, грудь и лоно.

Но Мелисанда хотела, чтобы Билл всё это видел. Руками мужчина заскользил по её телу, и обхватил грудь. Он ущипнул соски пальцами, и неистовая стрела удовольствия пронзила её. Девушке нравилось, как её кожа выглядела в контрасте с его руками. Соски стали такими твёрдыми и тёмными. Мелисанда провела рукой вниз по своему животу и прикоснулась к себе.

Между кончиками её пальцев скользил член, пока девушка доставляла дополнительное удовольствие своему телу. Он был настолько горячим внутри неё, а так же таким мокрым и скользким, когда двигался. Пенис Билла казался невероятно твёрдым в сравнении с её мягкостью.

Наклонив голову назад, девушка скакала на нём и всё ближе и ближе подходила к краю. Руками мужчина ухватился за бёдра Мелисанды и крепко сжал их, чтобы иметь возможность входить в неё, быстрее и сильнее. Она сосредоточилась на собственных пальцах, пока доставляла себе жёсткое и яростное удовольствие, когда он наполнял её собой снова и снова.

Билл шептал её имя. Говорил ей, как она красива. Признавался, что она для него всё. И в тот момент девушка всем и была. Даже в этом доме, в этой комнате, в этой постели, где брала деньги, чтобы позволять мужчинам делать с ней всё, что они хотели... сейчас, она была самой красивой.

Оргазм настиг её внезапно. Горячий поток застал врасплох. Мелисанда вскрикнула, лишь смутно осознавав, что Билл жёстче заработал бёдрами, и его собственный крик смешался с её. Лоно Мелисанды сжалось вокруг его члена. Её бедра дрожали. Всхлипы экстаза, в конце концов, притихли, но из глаз девушки полились слезы. Они бежали вниз по её лицу и капали на грудь, пока Билл не протянул руку и не наклонил её вниз, прижав ближе к себе.

— Ш-ш-ш... не плачь.

— Прости, — прошептала она, но поток слёз всё не прекращался.

— Не плачь.

Он поцеловал её в лоб и попытался вытереть слезы со щёк. Но, в конце концов, она уткнулась лицом в его шею и расплакалась, а Билл продолжил крепко удерживать её и позволял ей выплакаться.

Глава 3

* * *

После того, как утро они провели вместе, девушка уже знала, что он не вернётся ночью, но Мелисанда всё-таки почувствовала укол разочарования, когда осмотрела большую гостиную борделя и не обнаружила Билла, сидевшего на одном из стульев.

Большинство ночей девушки носили всё, что им заблагорассудится, но сегодня Мадам распорядилась, чтобы на празднике мужчины чувствовали себя уютно. Все, в том числе и Мелисанда, одели только своё нижнее бельё и корсеты, как будто были девочками, готовившимися к Рождественскому балу. Им даже выдали ленточки, чтобы повязать на шею. Мелисанда выбрала зелёную. Красная лента была слишком похожа на перерезанное горло.

Представления для мужчин были похожими в нескольких борделях, но этот публичный дом — обычное место общественного питания для торговцев. Именно поэтому она выбрала его. Он был чистым и простым, здесь не было богатых мужчин. Девушка потеряла ценность для состоятельных клиентов, поскольку уже не являлась девочкой. Она и сейчас оставалась маленькой, но подростком была ещё меньше, и мать, оправляя Мелисанду в богатые дома, наряжала её в костюмы школьницы или короткие платья, пока той не исполнилось шестнадцать, и она не стала, наконец, слишком развитой, чтобы и дальше обманывать мужчин.

Богатые «дяди» полагали, что могли иметь всё, что захотят. Так оно и было. Для них не существовало ничего запретного.

Она слышала, как в одном из лучших борделей города девушку расчленил лезвием владелец судоходной компании. Её тело было сброшено в какое-то болото. Мужчина не был наказан. Он уехал домой к своим детям и жене и, скорее всего, никогда и не вспоминал о том, что девочка теперь разлагалась в воде.

Торговцы могли не платить большие деньги за быстрый перепах, так как считали это обычной и весьма честной сделкой. Своего рода справедливым обменом.

Девушка только начала свой обход по комнате, растянув на лице пустую, ничего не означающую, дежурную улыбку, как вдруг женщина поймала её за локоть.

— Мадам, — Мелисанда ахнула от такой крепкой хватки.

— Я хочу свою долю с того клиента, которого ты принимала сегодня утром.

— Клиента? — девушка в замешательстве покачала головой.

— Ты обслуживала мужчину наверху.

— Но... он не платил мне. Мы ничем не занимались...

— О, у тебя появился возлюбленный, да? — усмехнулась женщина.

Когда её глаза сузились, бледная пудра, которой она пользовалась, подчеркнула морщины, которые по идее должна была скрыть.

— Нет, — ответила девушка, потому что не хотела, чтобы Мадам знала об этом.

Этот секрет принадлежал Мелисандре и только ей.

— Если бы это была благотворительная Рождественская акция, то я бы поблагодарила тебя, но твоё время — моё время, а я не даю бесплатных поездок. Ожидаю свою долю в

конце вечера, так же, как и все остальные.

— Да, Мадам, — прошептала Мелисанда.

Она рассчитается из собственного кармана. День того стоил.

Когда Мадам ушла, Мелисанда потянулась, чтобы потрогать кулон на шее, уже инстинктивно, хотя прошло всего лишь несколько часов после того, как Билл подарил его. Но она, конечно же, сняла украшение. Даже если бы её не попросили завязать зелёную ленту, девушка бы никогда не надела кулон Билла на работу.

Она преодолела только полпути через комнату, когда незнакомец махнул ей подойти поближе. Он осмотрел её сверху донизу; от чего подергивались его седые усы, от одобрения или презрения — девушка не могла точно сказать. От него пахло сигарным дымом, он не спросил у неё имени и не назвал её «мисс». Мужчина просто встал и кивнул головой в сторону лестницы. И Мелисанда повела его.

Она хотела удержать Билла в памяти немного дольше. По крайней мере, в течение нескольких часов ей это удавалось. И сейчас её Рождество закончилось.

Незнакомец последовал за ней в комнату, и она легла для него на кровать. Всё было кончено в считанные минуты, но девушка поняла, что в действительности это не имело значения. Она всё ещё помнила ощущение, когда Билл находился в её теле. Этот же акт не имел ничего общего с тем, который она разделила с Биллом.

Мужчина оделся, оставил деньги, и всё закончилось.

Мелисанда тщательно вымылась. Пригладила волосы, затянула их шпильками и поправила тонкое белое бельё, которое надела. Когда она посмотрела на себя в зеркало, то увидела девушку с зелёной лентой на шее, а не с чёрной. Девушку, которая выглядела уставшей, а не счастливой. В отражении была другая, не она.

Мелисанда чувствовала себя такой отстранённой от происходящего вокруг, но, когда спустилась по лестнице, ей потребовалось мгновение, чтобы понять — Билл был там. Пока девушка наблюдала за ним, то чуть не пропустила следующую ступеньку и едва успела ухватиться за перила. Полчаса назад, она искала его, но теперь чувствовала себя иначе. Её смутил тот факт, что он был здесь.

Билл стоял возле двери, и в отличие от других мужчин в комнате, не держал в руке выпивку.

Его брови взметнулись, когда он поднял взгляд и увидел её. После недолгих колебаний, Билл подошёл к лестнице, держа шляпу в руках.

— Мы можем подняться наверх? — спросил он.

— Конечно.

Она должна была почувствовать себя счастливой? Грустной? Ей стоило устыдиться? Девушка понятия не имела. Но Билл знал, что утром она была такой же шлюхой, когда он покупал ей пряник. И сегодня днём, когда он взял её в постели. Ничего не изменилось. Тогда почему она чувствовала себя так странно?

В отличие от её предыдущего клиента, она была слишком осведомлена о Билле, когда вела его по коридору и позволила войти в комнату, в которой его тело, казалось, заполнило всё пространство так, что стало трудно дышать.

— Ты вернулся, — сказала Мелисанда, но прозвучало это, как вопрос.

— Я не мог перестать думать о тебе, — его слова противоречили его поведению. Вместо того чтобы смотреть на неё, мужчина бродил взглядом по комнате, пока вертел свою шляпу в руках. Билл кивнул на пол рядом с кроватью. — Читаешь? — спросил он.

Мелисанда на мгновение ощутила раздражение от его вопроса и задвинула два ветхих романа под кровать. Их нужно было убрать подальше. Она была слишком отвлечена от привычной жизни сегодня.

— Да, — ответила девушка, — я умею читать.

— У меня никогда не хватало терпения на школу, — сказал мужчина, и она поняла, что он не хотел оскорбить её. — Я получил достаточно знаний, чтобы уметь управлять.

Секунды тянулись, и хотя он, наконец-то, решился посмотреть на неё, мужчина не сделал ни одного движения, чтобы раздеться.

Когда Мелисанда потянулась, чтобы снять свой корсет, Билл поднял руку так внезапно, что она вздрогнула.

— Не надо... — сказал он.

— Не надо что?

Ему не понравилось сочетание белого нижнего белья и ярких лент?

— Не надо раздеваться. Я не собираюсь больше платить тебе за это.

— О-о... — девушка застыла в шоке, мысли в голове кувыркались, пока она не позволила рукам упасть вдоль тела. Биение пульса отдавалось в горле. Он вернулся, чтобы потребовать что-то за просто так. После того как они провели день вместе, Билл начал предъявлять на неё права. Ей стоило бы догадаться о подобном. — Сегодня... — она сглотнула внезапную сухость в горле. — Я не могу делать это бесплатно. Мне жаль. Мадам не разрешит.

— Нет, я не это имел в виду. Я заплачу тебе за время, только не за... *это*. Я... я больше не чувствую, что поступаю правильно. Я совсем не этого от тебя хочу.

— Понятия не имею, о чём ты говоришь, — пробормотала Мелисанда, решив, что не расслышала его из-за учащённого сердцебиения. Она не хотела неприятностей. Не желала разозлить его.

— Я имею в виду, что оплачу сегодняшнее время, но мне просто хотелось увидаться с тобой. Чтобы сказать тебе, что сегодняшний день был... — он провёл по воздуху своей большой рукой, — был чудесным.

Чудесным? Он пришёл, чтобы сказать это? Слёзы жгли ей глаза. Сердце бешено билось в течение нескольких минут, прежде чем успокоилось.

— Я не хотел огорчить тебя, — прошептал Билл. — Мелисанда, — когда она закрыла глаза, мужчина прижал ладонь к её щеке и стер слезы. — Ты хочешь, чтобы я ушёл?

— Нет. Нет, просто... тебе не надо притворяться, что ты не хочешь секса.

— Я не притворяюсь, ничего подобного. Я хочу тебя. Очень.

— Не понимаю. Ты можешь взять меня...

— Не хочу *покупать* тебя. И если ты забеременеешь...

— Я не могу, — сказала она.

— Не можешь что?

— Иметь детей. С тех пор как мне исполнилось четырнадцать. Мне делали аборт и прошли месяцы, пока остановилось кровотечение. Я никогда не беременела после этого.

Он кивнул и провёл ладонью по своему лицу.

— Я просто не чувствую, что всё это правильно. Не так всё должно быть. Ты в моих мыслях каждый день. Думаю, хорошо ли тебе, счастлива ли ты. Смейся, если хочешь.

— Почему я должна смеяться? — прошептала она.

Мелисанда наклонила голову вниз, потому что не могла контролировать слезы. Она не

знала, почему плакала сейчас больше, чем раньше, но Билл притянул её к груди и обнял. Снова.

— Я — просто шлюха, — прошептала она ему в грудь.

Его тепло проникло в её тело даже сквозь слои одежды. Он поднял девушку на руки и отнёс в уродливое кресло, стоявшее в дальнем от окна углу комнаты. Обивка почти выцвела, поэтому она держала его так далеко от света, насколько это было возможно. Но сегодня она была благодарна этому креслу, когда Билл усадил её на свои колени и позволил ей свернуться клубочком и прижаться к нему.

— Неправда, — сказал мужчина, — ты не шлюха.

— Откуда ты знаешь? Это всё, кем я когда-либо была. Всё, чем занималась с тринадцати лет. Может быть, даже с самого рождения.

Рукой мужчина поглаживал её по спине, а девушка хотела, чтобы Билл позволил ей снять корсет и почувствовать, как его пальцы заскользят вдоль позвоночника.

— Разве сегодня ты была шлюхой в церкви? Или когда сидела на берегу реки? Или когда съела имбирный пряник быстрее, чем я?

Она удивилась своему смеху сквозь слезы.

— Разве ты была шлюхой, когда пригласила меня сегодня в постель?

Этот вопрос был самым неопределённым, когда Билл произнес его низким и осторожным голосом.

Мелисанда покачала головой.

— Нет, — это была правда. — Не была.

Губами, а затем и щекой, он мягко коснулся её макушки.

— У тебя никогда не было кавалера?

— Никогда.

— Хочешь, им стану я?

Мелисанда села, отпрянув назад, чтобы получить возможность заглянуть в его глубокие карие глаза.

— Как ты можешь хотеть быть со мной?

Она слышала, как другие шлюхи разговаривали о своих возлюбленных, но думала, что эти мужчины встречались с ними только из-за возможности пользоваться их услугами бесплатно. У некоторых женщин даже были мужья, но этим мужчинам, скорее всего, давно было наплевать на своих жён, раз уж те работали в борделе. Мелисанда же никогда не рассматривала возможность отношений вообще.

— Мой отец сбежал, когда мне было шесть, — произнес Билл. — Или, может, его кто-то прирезал на пристани и сбросил в воду. В любом случае, он так и не вернулся домой. Все мальчики в нашей семье работали, и моя мать делала всё, что могла, чтобы заработать деньги. Думаю, торговля своим телом была единственной вещью, которую она не делала, но было много женщин в нашем квартале, кто этим занимался. Это были обычные женщины, которые обогревали меня в холодные дни, кормили куском хлеба и поили горячим чаем вместе со своими детьми. Я никогда не видел никакой разницы в них. Они работали так же, как и все мы. Берегли своих детей от голода.

— Но ты не... я имею в виду, ты не *любил* их.

— Они были на вид гораздо старше меня, — с сарказмом произнес он.

Мелисанда снова рассмеялась и позволила себе опуститься на его грудь.

Девушка чувствовала себя с ним в безопасности. Чувствовала, что о ней заботились. Как она могла сказать нет?

— Когда я смогу увидеться с тобой, кроме тех дней, что ты приходишь сюда?

— У тебя есть выходной?

— Думаю, я могу уйти в любое время утром. Никто не хватится. Но ты же работаешь.

— Не по воскресеньям.

— У тебя есть комната? — спросила она.

— На улице Ферст Вард, но ты не должна...

— Я приду. В это воскресенье.

Он дал ей адрес и объяснил, как найти его комнату, а затем обнял её, позволив услышать своё учащенное сердцебиение. Мелисанда закрыла глаза и осталась лежать свёрнутой на его коленях столько, сколько посмела. И когда спустилась вниз работать, даже не обратила внимания, с кем вновь поднялась в комнату. Единственный мужчина, который стоял у неё перед глазами — это Билл.

Глава 4

* * *

Мелисанда с нетерпением ждала воскресенья всю неделю. Она не видела Билла с той ночи в её комнате, но думала о нём каждый день и час. Девушке было интересно, как он мог смотреть на неё и видеть своей возлюбленной.

Субботний вечер, как обычно тянулся слишком долго. По воскресеньям работали лишь некоторые из мужчин, а это означало, что девушки трудились до тех пор, пока не без сил не падали в свои грязные постели в четыре утра. Но Мелисанда не пошла спать. Она нагрела воду в тускло освещённой кухне и наполнила металлическую ванну, чтобы иметь возможность отдохнуть от всех мужчин, которые к ней прикасались.

Она вымыла волосы, а затем села рядом с камином, чтобы втереть в кожу ароматное масло. Вместо того, чтобы стягивать волосы в привычный тугой пучок, скрутила их в несколько жгутов, свободно ниспадавших между лопатками. Однажды она состригла их в знак протеста против длинных локонов, которые мать заставляла Мелисанду распускать для клиентов, когда продавала её как красивую девушку-мулатку. Что являлось ложью, как и всё остальное. Её бабушка была темнокожей поварихой в доме посла, а дед — белым. Светлого пигмента, доставшегося Мелисанде от отца, по-видимому, было не достаточно. Поэтому раз в неделю, мать втирала ей в кожу различные зелья, чтобы попытаться сделать её ярче, и девушка по-прежнему могла ощущать запах гари, когда та обрабатывала её волосы горячими щипцами.

Мелисанда всё ещё скучала по волосам, которые отрезала. Она отрачивала их с тех пор, но вовсе не из-за тщеславия. Девушка продолжала прятать волосы в пучке. Однако сегодня она не желала делать этого. Сегодня было что-то, принадлежавшее только ей, и она хотела, чтобы Билл увидел это.

Она погладила зелёное хлопковое платье, постиранное накануне, а затем расчесала волосы так, что кудри начали задевать её плечи при движении.

Понравится ли это Биллу? Девушка убедила себя, что тот будет в восторге, но теперь, когда была почти готова, её охватили сомнения. Может, ему нравились прямые волосы и более светлая кожа? Может быть, мужчина предпочитал притворяться, что она была не той, кем являлась на самом деле?

Лучше разобраться в этом сейчас. Разочароваться раньше.

Она оделась в своей комнате и аккуратно набросила шаль на голову, будто всего лишь собиралась в церковь, как обычно. Наконец, Мелисанда вытащила кулон из своего укрытия в комод и надела его на шею.

До комнаты Билла было двадцать минут ходьбы, и она изо всех сил старалась насладиться красивым розовым светом восходящего солнца, пока шла через кварталы, по которым не посмела бы пройти в темноте. Когда девушка приблизилась к нужной улице, то остановилась у булочной и купила тёплые круассаны, чтобы удивить его.

Возможно, Билл не ждал её так рано, но она шла к нему не для того, чтобы просто провести с ним час. Мелисанда хотела остаться так надолго, как только возможно. Чтобы притвориться, что ей никогда не нужно вновь возвращаться на работу.

Найдя его дом, девушка поспешила пройти вдоль линии высоких, закрытых ставнями окон, пока не дошла до пятого и тихо в него постучала. Сдерживая дыхание, она ждала, когда откроются ставни, пока её сердце колотилось от страха. Казалось, прошла вечность, и Мелисанда постучала сильнее, поморщившись от звука. На этот раз ставни открылись, и появился он, с широкой улыбкой на лице, когда понял, что это она.

— Я не слишком рано? — прошептала Мелисанда.

Билл протянул руку, чтобы помочь ей перешагнуть через низкий подоконник в свою комнату.

— Нет, что ты, — как только мужчина закрыл ставни, единственным источником света осталась лампа, и Мелисанда увидела, что его комната оказалась чистой и прибранной. — Я ещё не готов, — сказал он, смутившись, что она застала его в рубашке с короткими рукавами. — Подумал, что мы снова пойдем гулять вдоль реки. Купим что-нибудь...

— Я принесла завтрак, — прервала девушка, подняв обернутую бумагой выпечку. — Надеюсь, мы могли бы съесть его здесь. Если не боишься, что нас поймают.

Он взглянул в сторону кровати.

— Я не беспокоюсь. Женщин пускать сюда нельзя, но все игнорируют это правило. Просто подумал, что тебе захочется сделать нечто особенное.

— Это и есть особенное, — тихо произнесла Мелисанда.

Билл выдержал её взгляд в течение долгого времени.

— Согласен.

Мужчина забрал у неё еду и положил на комод, а затем обхватил лицо девушки руками и поцеловал. Это всё, чего хотела Мелисанда. Просто касаться губами, таять в его объятиях, и ощущать пенис Билла внутри себя.

Она хотела сделать его таким же счастливым, какой он сделал её. Подарить ему такое удовольствие, которое мужчина никогда не испытывал. Он дарил ей невероятное наслаждение, поэтому Мелисанда хотела отплатить ему тем же. Она осыпала поцелуями и ласками его плечи, руки и грудь. После чего потянулась к кнопкам на штанах мужчины и растегнула их в считанные секунды. Девушка была не просто счастлива позволить ему сделать с ней всё, чего он хотел — она *изголодалась* по нему. Мелисанда буквально умирала от желания. Это было очень странное ощущение — так сильно желать мужчину, будто внутри неё проснулся зверь.

Мелисанда проложила дорожку из поцелуев от шеи к груди, едва покрытой волосами. И слегка прикусила кожу, насладившись тем, как его живот вздрогнул от этого действия.

Когда же она стащила с него одежду, освободив член, он уже был твёрдым от

возбуждения.

— Это не то, чего я хотел, — прорычал мужчина, когда она пустилась на колени.

— Расслабься, — произнесла девушка, а затем провела языком под линией головки и вобрала весь член в рот.

Дыхание Билла остановилось, словно его ударили, но у него хватило сил произнести её имя, когда она взяла его глубже. Конечно, он хотел этого. Все мужчины этого хотели, и иногда даже больше, чем само проникновение в лоно женщины. Но впервые, Мелисанда хотела подарить это наслаждение ему.

Она позволила мужчине почувствовать свое желание, пока ласкала его пенис и втягивала длину всё глубже, скользя языком. Он был всем, что девушка могла чувствовать, но вместо того, чтобы задыхаться, девушка ощущала себя наполненной им наилучшим образом.

Его протест, казалось, быстро затерялся в удовольствии. Билл нежно обхватил одной рукой её затылок, но он не дергал или принуждал, а просто обнимал девушку за голову, пока она скользила вверх и вниз по его члену.

— Мелисанда... так хорошо...

Да. Она хотела, чтобы он чувствовал себя хорошо. Жаждала, чтобы мужчина нуждался в ней так сильно, как сейчас она нуждалась в нём. Эта сладость, которую он ей дарил... была пугающей. Слишком сильной.

Она обернула руку вокруг основания его эрекции и гладила в такт с посасываниями ртом. Его колени слегка подогнулись, бёдра задвигались ей навстречу.

— О, Боже, — простонал Билл. — Так я слишком быстро кончу.

Мелисанда хотела именно этого. А потом она хотела лечь с ним в постель, и дразнить поглаживаниями, пока мужчина снова не станет в ней нуждаться.

Пальцами Билл глубже зарылся в её волосы.

— Мелисанда, — зарычал он, предупреждая, на случай если она не хотела, чтобы он кончил ей в рот.

Девушка всосала его ещё глубже, и задвигала языком по всей длине, в то время как дыхание Билла стало рваным.

— Иисусе, — выдохнул он. — Я не могу...

Она почувствовала силу кульминации мужчины, которая пульсировала сквозь член, а потом и его семя, которое заполнило её рот. Мелисанда глотала без остановки, пока он изливался ей в горло.

А когда он кончил, то позволила ему мягко выскользнуть из её уст. Девушка вытерла губы рукавом и посмотрела вверх, чтобы увидеть, как Билл смотрел на неё своими тёмными и ошалевшими глазами.

— Ты до сих пор одета, — сказал он, как будто это было для него сюрпризом.

— Да, — рассмеялась девушка. — Хочешь отправиться на прогулку, или мы останемся здесь и съедим завтрак в постели?

— Завтрак, — пробормотал мужчина, прежде чем повернулся и рухнул рядом с ней. — Я не смог бы сейчас ходить, даже если бы очень захотел.

Они разделись и забрались под одеяла, чтобы согреть друг друга.

— Круассаны, — сказала Мелисанда, отважно поднявшись с кровати в прохладу его комнаты, но Билл потянул её обратно вниз.

— Не сейчас. Сначала это...

Девушка удивилась, что мужчина смог восстановиться так быстро, но затем он скользнул

своей рукой по девичьему бедру и коснулся её между ног. Мелисанда была влажной для него, как и в прошлый раз, так что, когда он начал поглаживать её, застонала от удовольствия.

Билл прикоснулся сначала нежно, а потом начал вести себя более уверенно. Пальцами, мужчина дразнил её складочки, обнаружив чувствительные точки, что заставило бедра девушки открыться ещё шире.

— Вот так, — прошептал он ей прямо в ухо, пока она раскачивалась с его рукой в едином ритме. — Вот так.

Всё это происходило так сладко и медленно. Потому что Билл не торопился. Мужчина даже не вводил в неё свои пальцы. Просто поглаживал, кружил, дразнил, пока она, наконец, не ахнула и не прижала руку ко рту, чтобы приглушить свой крик. Её бедра забились в судорогах, пока девушка сотрясалась от оргазма, который прокатывался по ней снова и снова.

Он шептал ей прямо в ухо, как она красива. Как совершенна.

Девушка успокоилась, пока ей не начало казаться, что она легко может заснуть, однако потом будет жалеть, что потратила время на сон.

Мелисанда открыла глаза и увидела, что Билл за ней наблюдал.

— Зачем тебе это? — спросила она.

— Что именно?

— Доставлять мне удовольствие?

Нахмурившись, мужчина убрал завиток волос с её лица.

— Как я могу не желать этого?

Она не знала, что ответить на такой странный вопрос, поэтому просто поцеловала его долгим поцелуем, а затем, не желая вставать с кровати, потянулась так далеко, как могла, чтобы достать выпечку. Билл затащил Мелисанду обратно в постель, и они прислонились к стене, чтобы поесть.

— Тебе холодно? — спросил он, но ей было хорошо, ведь его тело словно печка, согревало её. — Тебе скоро нужно будет уходить?

Девушка покачала головой.

— Я могу остаться ещё на несколько часов. Мы даже могли бы пообедать, — засмутившись, она попыталась взять свои слова обратно. — Но уверена, что у тебя нет времени. Если...

— У меня весь день свободен, и я предпочел бы остаться здесь с тобой.

Девушка прижалась поцелуем к его плечу, и он наградил её одной из своих редких улыбок.

— Я тоже предпочла бы остаться здесь с тобой.

Какое-то время они ели в тишине, пока разбрасывали крошки по всей куче его изношенных одеял, но эта тишина была приятной. Комфортной. Она чувствовала такое тепло, которого не ощущала всю зиму.

— Мелисанда, — наконец произнёс мужчина, — причина, по которой я хочу доставить тебе удовольствие в том, что я забочусь о тебе.

Она кивнула и отломилась ещё кусочек круассана.

— Это не просто секс. Мне нравится разговаривать с тобой. Нравится, как ты прижимаешься ко мне. Правда в том, что я влюблён в тебя.

Девушка замерла, заморгав от шока, а потом попыталась проглотить крошечный

кусочек булки.

— Ты ведь даже не знаешь меня, — удалось выговорить ей.

— Знаю. Я знаю, что ты боишься мышей, а жимолость — твой любимый цветок; ты ненавидишь вкус пива; в детстве сломала мизинец, который до сих пор иногда болит.

Когда она успела ему всё это рассказать? Мелисанда не могла вспомнить. Помнила только, как лежала рядом с ним в собственной комнате и болтала в темноте, но не помнила о чём.

— Я не хочу, чтобы ты возвращалась, — произнес Билл.

— Что... что ты имеешь в виду?

— Тебе не нужно больше там работать. Ты можешь остаться со мной. Я найду жилье побольше.

Мелисанда услышала в голове голос своей матери, который советовал ей ухватиться за это предложение. Она могла стать шлюхой для одного человека, а не для сотен других. Такое даже вряд ли можно было считать блудом. Девушка покачала головой.

— Если я оставлю эту работу, то чем буду заниматься?

— Полагаю, просто будешь моей девушкой.

— Я... я могла бы ещё лет десять поработать. Чуть больше, если повезет. Мне нужно сохранить то, что у меня есть, другой возможности не будет.

— Я позабочусь о тебе.

Позаботится? Надолго ли? В горле пересохло.

— Мужчины уходят, — прошептала она. — Ты хорошо знаешь это, как и я.

— Я не покину тебя.

— Билл... — Мелисанда прижала руку к щеке мужчины, пока изучала его глаза. Он не смотрел умоляюще и выглядел искренним. — Когда-нибудь ты захочешь жениться. Иметь детей. Я не могу зависеть от тебя. Я должна позаботиться о себе.

— Мы могли бы пожениться, — Билл взял её руку в свою и сжал.

Девушка потянула руку обратно.

— Ты сошёл с ума. Мы не можем пожениться. Нам даже не дадут жить вместе.

— Мы можем пожениться в Канзасе. Или уехать дальше на север.

Он хотел жениться на ней? Это не имело смысла. От подобно мысли у девушки закружилась голова. Мелисанда запуталась и... была в ужасе.

— Мы не можем.

— У нас бы все получилось, если бы ты захотела. Если бы ты тоже смогла полюбить меня.

Это было сумасшествием.

— Но я — шлюха. А ты — белый. И я даже не могу иметь детей, так какой смысл?

— Смысл в том, что тебе не нужно будет бояться, что я уйду.

— Это не имеет значения! Никто и глазом не моргнет, когда ты оставишь чернокожую жену. Кого это волнует?

— Меня.

— Билл...

Что Мелисанда могла сказать этому мужчине, который смотрел на неё так пристально, пока предлагал сладкие, смешные вещи? У девушки так сильно билось сердце, что ей казалось, будто оно могло вот-вот вырваться из груди и покинуть её навсегда. Билл любил её? Она никогда не предполагала, что кто-то сможет её полюбить.

Мелисанда зажмурилась и начала медленно дышать, в попытке успокоить свое сердцебиение.

— Даже, если я тоже люблю тебя, — прошептала она, — это просто невозможно. И я не могу отдать свою жизнь в чужие руки. Я забочусь о себе с тех самых пор, как была девочкой. А ты... ты найдешь себе жену когда-нибудь. У вас будут дети. Я хочу этого. У тебя должна быть именно такая жизнь.

Когда Билл снова взял Мелисанду за руку, она открыла глаза.

— Я уже был женат, — сказал он.

Девушка отпрянула от шока.

— Ты женат?

— Она умерла ещё в Норфолке. Ей было двадцать лет. Мне девятнадцать. Я любил её, как никого другого в этом мире. Она была единственным человеком, с которым я чувствовал спокойствие как с тобой.

У Мелисанды сжалось сердце. Девушка сильнее сжала руку мужчины.

— Что случилось?

— Она забеременела. Это не было неожиданностью. Она научила меня, как прикасаться к женщине. Мы были... счастливы вместе.

Мелисанда кивнула, представив молодого и страстного Билла. Должно быть, он был прекрасным мужем.

— Всё шло хорошо, но однажды всё изменилось. У неё начались головные боли. Ноги распухли. В конце концов, у неё начались судороги. Припадки. Один из них и убил её. Такое случается с некоторыми женщинами в конце срока, как объяснил доктор.

— Сожалею, — в горле встал ком, когда она увидела, что глаза Билла увлажнились от слез. — Мне очень жаль.

Он провёл ладонью по лицу.

— Я никогда не думал, что смогу это пережить. Никогда не думал, что снова женюсь. Когда потребность в женщине стала невыносимой, я начал посещать бордель. Редко. Пока не встретил тебя.

Мелисанда наклонилась к Биллу и нежно его поцеловала.

— Я рада, что принесла тебе спокойствие.

— Это так. Но мысль о детях... знаю, что некоторые мужчины хотят их, но это не то, о чём мечтаю я, Мелисанда. Это пугает меня до смерти.

Она прижала руку к своему животу. Девушка была слишком напугана, когда забеременела в четырнадцать. После этого, невозможность иметь ребенка сделала её жизнь проще, но она знала, что кто-то думал, будто это было ещё одной вещью, делавшей её непохожей на других женщин.

— Ты не захочешь меня больше, если я продолжу работать куртизанкой?

— Нет, я этого не говорил.

— Разве мы не можем просто наслаждаться тем, что есть? — поинтересовалась она. — По утрам в воскресенье? Или ты стремишься к чему-то большему?

— Да. Ты знаешь, я стремлюсь к большему. Не буду врать.

Она посмотрела на свои руки, сложенные вместе, не в силах встретиться с ним взглядом.

— Ничто не пугает меня так, как это.

— Почему? — настаивал на ответе Билл, пока большим пальцем поглаживал её кисть.

— Потому что, когда желаешь чего-то, то становишься слабым. Ты можешь сделать мне больно. Очень больно.

— Я никогда не причиню тебе боль, — пообещал мужчина, но то, что Мелисанда испытывала к нему, уже причиняло боль, не так ли?

Глава 5

* * *

Во вторник днём, воскресенье, проведённое с Биллом накануне, казалось похожим на мир, который девушка оставила позади много лет назад. Мелисанда так часто вздыхала за обедом, что одна из девушек спросила, не больна ли та.

Нет, она не была больна. Всего-навсего влюблена.

Девушка читала романтические истории в книгах и всегда думала, что это было глупо. Ахинеи, написанные женщинами, которые понятия не имели, что их мужья делали вне дома. Но теперь, когда Билла не было рядом, Мелисанда скучала по нему. В любое время, будучи свободной, а это было часто, она думала о нём.

Работа стала невыносимой. Всё, чего девушка хотела — посмеяться над каждым мужчиной, который прикасался к ней, сбросить с себя его руки и вспоминать то утро в комнате Билла.

Но нужно было выждать ещё пять дней, прежде чем Мелисанда сможет снова увидеть его, да и то лишь на короткое время. Но девушка не могла предаваться своей фантазии о том, где покинет это место. Даже если он сможет начать зарабатывать больше денег, будет трудно найти кого-то, кто сдаст им жилье. И вокруг всегда будут люди, которым это не понравится. Возможно, Билла уволят за связь с ней. Мужчина потеряет друзей. Конечно, он не захочет долго быть вместе с Мелисандой, если лишится всего остального.

А потом закончатся деньги. А блуд — это единственное занятие, известное ей. Даже если она сможет найти работу в качестве прислуги или кого-то в этом роде, девушка будет зарабатывать вдвое меньше, чем сейчас, и ей придется зависеть от мужчины, который не является её мужем, чтобы обеспечить им старость.

Если она уйдет из борделя, то не будет шлюхой, но станет кем-то меньшим, чем была в нём.

Снова вздохнув, девушка встала из-за стола и убрала свою тарелку, она почти вышла из кухни, когда Мадам позвала её по имени. Мелисанда вздрогнула и остановилась, пока ждала пояснения, что же понадобилось этой женщине. Ничего хорошего, как обычно.

— Мелисанда, — огрызнулась она, — отведи эту девушку в свободную комнату.

Мелисанда повернулась, и увидела Мадам с девушкой, которая выглядела на несколько лет моложе её самой. Та была яркой, стройной, нежной, и смуглой, с полными губами, которые растягивались в лёгкой усмешке.

Мадам, казалось, была равнодушна к весёлому поведению девушки.

— Работа начинается в час, — сказала она новенькой. — Врач приходит в первый понедельник каждого месяца, чтобы удостовериться, что ты чиста и не беременна. Если забеременеешь, то сможешь сделать аборт или продолжишь работать, пока будешь в состоянии достаточно зарабатывать. Потом тебе придется уйти.

— Да, Мадам, — восхищенно прошептала девушка.

Она, должно быть, была так счастлива.

— Мелисанда покажет тебе комнату.

Мелисанда подождала пока новенькая пройдет через кухню, а затем повела её по коридору к лестнице.

— Каждое утро служанки приносят чистые простыни, — пояснила она. — Ты самостоятельно заправляешь кровать и следишь за своей одеждой.

— Это так здорово. На последнем месте работы постельное белье у нас меняли всего два раза в неделю.

— Давно этим занимаешься?

— Около года.

Возможно, индивидуальность будет ей опорой в этой жизни, но Мелисанда понимала, что её дружелюбие вскоре исчезнет. После года занятия блудом, Мелисанда ещё думала, что сможет бросить всё это. Однако больше она в это не верила, даже если об этом попросит Билл.

— Я — Луиза, — сказала девушка, когда Мелисанда поставила ногу на первую ступеньку. Она оглянулась, и увидела вытянутую руку Луизы. — Луиза Дюпарт.

— Приятно познакомиться, — сказала она аккуратно. — Я — Мелисанда Энжел.

Она пожала руку девушки и повела её вверх по лестнице.

— Энжел, — повторила Луиза. — На кухне, в моём старом доме, работала женщина по имени Энжел.

Сердце Мелисанды ёкнуло.

— Мари? — спросила она небрежно.

— Верно. Мари Энжел.

— Это моя мать, — сказала Мелисанда, когда обе достигли вершины лестницы.

Вместо того, чтобы повернуть прямо к себе в комнату, она повернула налево.

— О, я сожалею, — сказала Луиза, затаив дыхание.

Мелисанда усмехнулась.

— Ей что, так плохо?

— Нет! Я просто имела в виду, мне жаль, что она скончалась.

Ноги Мелисанды застыли. Сердце тоже замерло. Странно, её всё ещё преследовало ощущение, будто она продолжала двигаться, ведь коридор буквально поплыл у неё перед глазами.

— Что ты имеешь в виду?

— Она умерла. В апреле. Ты не...

Мелисанда почувствовала, как девушка слегка коснулась её плеча своей рукой.

— Моя мать умерла? — успела спросить она.

— Ты не знала?

Девушка покачала головой, и Луиза сжала рукой плечо Мелисанды, а затем обняла.

— Мне очень жаль.

Мелисанда покачала головой и сделала глубокий вдох, прежде чем высвободилась из объятий Луизы и продолжила путь к последней комнате.

— Как она умерла? — спросила девушка, хотя в этом не было смысла. Какое это имело значение?

Луизы кинулась догонять её, громко затопав по деревянному полу. В ушах Мелисанды зазвенело.

— Простудилась и инфекция попала в лёгкие. Она никогда не переставала курить те сигареты с обрезанными концами.

Это внезапно вернуло яркое воспоминание о матери с сигаретой, сжатой в одной руке, и расческой в другой. Она смеялась так сильно, что её сестра даже выразила сомнение по поводу того, могла ли та дышать. Это было как раз перед тем, как мать и тетя поругались, из-за того, что Мари выставила Мелисанду на продажу.

Жизнь казалась почти сносной. Было нелегко, но в их распоряжении имелось две жилые комнаты, поэтому мать закрывала дверь девочки на ночь, пока торговала собой. Она даже стала достаточно состоятельной, чтобы поддержать её после того, как отец Мелисанды сбежал.

Девушка не помнила отца, хотя её мать утверждала, что они были женаты в течение шести лет.

— С тобой всё в порядке? — спросила Луиза, когда Мелисанда остановилась в дверях единственной свободной комнаты в доме.

— Ты знаешь, где она похоронена? — спросила Мелисанда.

Девушка покачала головой.

— Тебе нужно спросить в том доме. Может быть, они знают.

Луиза назвала дом на другом конце города, и Мелисанда поблагодарила её, прежде чемпустила девушку в комнату.

— Это всё твоё. Полагаю, нужно проветрить комнату. Она пустовала несколько недель. Другая девушка переехала из-за беременности.

Она не слышала ответа Луизы, когда повернулась, чтобы отправиться в свою комнату.

Когда Мелисанда закрыла дверь, то грузно опустилась на кровать. Её мать была мертва. Она не знала, что чувствовать. Девушка ненавидела её. И слишком любила. Очень сильно. В детстве мать была для неё целым миром. А затем стала единственной, кто превратил её в шлюху.

Несмотря на то, что девушка не видела её так давно, было странно думать, что матери больше не было в живых. Она умерла. Не было ни единого шанса, что они когда-нибудь помирятся. Ни единого шанса, что Мелисанда отыщет её, если понадобится.

Она не знала, как долго просидела на кровати, но когда подняла голову, то услышала, как другие девушки начали готовиться к работе. Они суетились и выпрашивали друг у друга заколки и платя. Это означало, что время уже перевалило за четыре часа. Скоро должны были появиться первые клиенты.

Мелисанда посмотрела вокруг и постаралась вспомнить, какие из её платьев были чистыми, пока мысленно вспоминала, что эта ночь должна была быть особенной и ей понадобится красивое платье. Девушка не могла сообразить почему, а её взгляд не мог ни на чём сосредоточиться. Что особенного могло быть в ещё одной ночи, когда она позволит незнакомым ворчащим мужчинам взбираться на себя?

Когда девушка провела рукой по лицу, её пальцы дрожали. Если один из этих людей прикоснется к ней сегодня вечером, она сломается. Перестанет быть Мелисандой. Они будут лапать её и называть «девочкой». Вот кем она будет. Девочкой, у которой нет ни семьи, ни матери, ни друзей, ни любви.

Но у неё был Билл. И сейчас всё, чего она хотела — найти его. Сказать ему, что она потеряла мать. Спросить, почему чувствовала себя такой опустошённой из-за этого. Его мать умерла, все братья разлетелись. Может быть, мужчина дал бы ей ответ. Или, возможно, он просто поднял бы её на руки и обнял снова. И как Мелисанда так долго жила без этого?

Даже не осознав того, как она на это решилась, девушка встала и обернула шаль вокруг

головы и плеч. Она уже была одета в своё самое изношенное платье, так что не стоило беспокоиться о привлечении внимания на улицах.

Мелисанда молча проскользнула вниз по лестнице и выскочила за дверь, чтобы Мадам не заметила её, хотя не было сомнений, что другие девушки сообщат ей об этом. Даже если они это сделают, её не выгонят на улицу. Но Мадам будет ждать оплаты, независимо от того, работала Мелисанда или нет.

У неё имелись сбережения. Девушка была достаточно взрослой, чтобы понимать, что невозможно заниматься этим вечно, и стала откладывать наличные. Но в последнее время она сократила рабочие ночи, поэтому добавить туда ничего не могла. Отсутствие оплаты от Мадам за ночь, которую она пропустит, существенно ударит по её бюджету.

Но девушка не собиралась работать этой ночью. Она просто не могла.

Было не так холодно, и Мелисанда даже вспотела, когда добралась до места, где раньше работала Луиза. Мари Энжел не была шлюхой, но, видимо, далеко от этого не ушла. Возможно, у нее и было несколько дешёвых клиентов помимо работы на кухне. Хотя этого Мелисанда уже никогда не узнает. Она свернула в переулок и постучала в открытую заднюю дверь.

Дом был большим. Но его стены казались немного тоньше, чем в доме, где работала сама девушка. Кухня представляла собой довольно оживленное место: женщины быстро передвигались, а клубы пара поднимались от больших кастрюль. Возможно, здешние мужчины считали кухню тем местом, где можно пожить. Она сжала губы, когда представила, как они приближались к девушкам с жирными пальцами и бородами, от которых пахло тушеными устрицами.

Пожилая женщина с ложкой в руке, наконец, заметила Мелисанду.

— Вам помочь?

Мелисанда сглотнула.

— Вы знали женщину по имени Мари? Мари Энжел?

— Конечно. Я работала с ней два года.

— Вы знаете, где она похоронена?

Женщина посмотрела на неё и подошла поближе.

— Ты её дочь?

Мелисанда отпрянула от удивления. Почему-то она думала, что мать изо всех сил старалась забыть их родство, как и сама Мелисанда.

— Верно.

— Я — Клэр. Ты очень на неё похожа.

— Да.

— Её отвезли в госпиталь, — сказала Клэр, кивнув головой в сторону двери, как будто это только что произошло. — Полагаю, там её и похоронили.

Конечно. Где ещё она могла быть похоронена, кроме как на городском кладбище рядом с больницей?

— Спасибо, — пробормотала девушка, и женщина отвернулась, чтобы вернуться к работе.

Мелисанда быстро оглядела кухню, представив там свою мать. Она не особо хорошо готовила, но, конечно, смогла бы справиться с большими горшками риса и супом, который варился на плите. Была ли она счастлива здесь, пока работала с этими женщинами? Скучала ли по своему единственному ребенку?

Девушка повернулась, чтобы уйти, но, когда вышла в переулок и посмотрела на запад, то поняла, как близко находилась от пансионата Билла. Ещё не было пяти часов, и вероятно, он не вернется домой еще минимум час или два. Независимо от того, как сильно Мелисанде необходимо было поговорить с ним, если она хотела попасть в больницу сегодня, то ей стоило отправиться туда прямо сейчас.

Девушка вернулась на кухню.

— Мисс Клэр? У вас не найдется клочка бумаги?

Клэр подняла дымящуюся кастрюлю и кивнула головой в сторону стены за спиной Мелисанды. Там висели записки, большинство из которых были чем-то вроде нагоняев. «*Не брать сахар, не спросив Файет!*»

Мелисанда оторвала кусочек бумаги и взяла лежащий рядом карандаш, чтобы написать небольшую записку.

Путь до дома Билла занял всего пару минут. Ставни были закрыты, и Мелисанда побоялась, что люди увидят, как она околачивалась поблизости, поэтому быстро сунула записку через пространство в ставнях и понадеялась, что мужчина её найдет. Может быть, ему вообще будет наплевать, даже если он и прочтёт послание.

Она избавилась от этих мыслей и отправилась в сторону больницы. Её ноги уже болели. Нахмурившись, девушка опустила голову вниз и зашагала так быстро, как смогла.

Как бы там ни было, Мелисанда не хотела опоздать, ведь собиралась найти могилу матери сегодня же. Там была куча рядов надгробий, которые, конечно же, не были пронумерованы, чтобы облегчить поиск.

Она ускорила шаг, едва не перейдя на бег, хотя не понимала собственного порыва. Мари Энжел была мертва уже восемь месяцев. Мелисанда не почувствовала никаких перемен в своём мире. Не ощутила пустоты в сердце. Ничего не изменилось для неё в апреле и ничего не изменилось сейчас, но она по-прежнему мчалась по улице. Девушка увидела большое белое здание, мгновенно узнав место, несмотря на то, что бывала здесь всего лишь однажды.

Тяжело дыша, Мелисанда добралась до верхней ступеньки и ворвалась через входную дверь, а затем выдохнула с облегчением, когда увидела монахиню за высокой стойкой регистрации.

— Простите меня, — пробормотала она и бросилась к женщине.

Монахиня взглянула на Мелисанду в замешательстве.

— Что-нибудь случилось?

— Нет... — выдохнула девушка. — Простите. Я просто... — она сделала глубокий вдох и прижала руку к груди, чтобы успокоить сердцебиение. — Приношу свои извинения. Не могли ли вы помочь мне найти могилу? Мама умерла здесь, и я полагаю... — она махнула неопределенно в сторону кладбища за больницей. — Думаю, что она там.

— Да, конечно, — сказала монахиня, опустив голову. — У меня здесь есть книга.

Несколько минут спустя, Мелисанда шла с грубо нарисованной картой кладбища и номером, обозначавшем могилу Мари Энжел. 817. Неужели здесь покоилось столько людей?

Проскользнув между железными воротами, которые являлись входом на кладбище, Мелисанда немного успокоилась. Здесь было тихо, и среди рядов каменных склепов была своя своеобразная красота, особенно когда заходящее солнце освещало резные фасады. Она немного сбавила темп, пока шла по длинным, прямым дорожкам, пока направлялась к площади, нарисованной на карте. Рядом щебетали птицы, которые построили свои гнезда в трещине скалы. Между рядами раздавался тихий голос женщины, которая пришла навестить

своих родных и близких.

Индивидуальные памятники уступили место семейным склепам, которые, казалось, тянулись целую милю. Дойдя до конца одной из узких дорожек, Мелисанда осознала свою ошибку. Девушка хмуро посмотрела на бумагу в руке, а потом оглядела всё вокруг, в надежде, что ошиблась. Но нет. Здесь не было склепов. Не было мраморных гробниц, в которых покоились мертвые. Перед ней была сплошная грязь, местами совсем свежая, а местами заросшая бурьяном. Крошечные плоские квадраты лежали на земле через каждые двенадцать дюймов или около того. Она подошла к первому и увидела рядом выдавленный в камне номер. 201.

Это был Поттерс Филд. Место захоронения бедных женщин, таких как её мать. В грязи, вперемешку с телами других, в ожидании первого большого наводнения, которые случались здесь время от времени. Здешний воздух не был спокойным и прохладным; скорее он казался горячим и густым, ведь в нём чувствовался едва уловимый намёк на смерть. Тут невозможно было похоронить людей достаточно глубоко. Грязь буквально превращалась в глину несколькими футами ниже.

Некоторые из могил были отмечены самодельными крестами. Некоторые обложены камнями, в попытке отделить их от других. Но большинство из них имели только квадратные камни с номерами и датами, а на некоторых не было даже и этого.

Мелисанда медленно двигалась вперёд, пока отслеживала номера, а под её туфлями шуршала завядшая трава. Она старалась не наступать на очевидные могилы, хотя это казалось невозможным. Из-за близкого расположения друг к другу, они были едва заметны.

Девушка, наконец, достигла ряда с номерами, начинавшимися с восьмерки. Сорняки только начинали расти на этой почве. Она споткнулась только раз, и, выпрямившись, увидела номер 817 прямо перед собой.

Мелисанда подошла поближе, встала над камнем и посмотрела на узкий грязный прямоугольник, в ожидании того, что испытает какие-либо ощущения. В конце концов, это была ее мать. Точнее, всё, что от неё осталось.

Когда ей исполнилось тринадцать, мать отвела Мелисанду к человеку, который её изнасиловал. Испуганная, с осознанием того, что он за неё заплатил, Мелисанда пошла добровольно. Но как только мужчина раздел её, зарыдала от ужаса и начала умолять незнакомца не причинять ей боль. Увы, он не послушал.

Следующий мужчина также причинил ей боль, как и другие, что были после. Мари Энжел всякий раз делала каменное выражение на лице, когда Мелисанда умоляла её не отводить к мужчинам снова. «Нужно же когда-нибудь начинать, дорогая. Мы все это делаем».

Это не было ложью. Мелисанда — дочь шлюхи. У неё никогда не будет никакого брака в будущем. Честно говоря, она знала, что мать выждала даже больше, чем большинство остальных. Многих девушек, вроде Мелисанды, продавали в возрасте пяти или десяти лет.

Казалось, её гнев, наконец-то угас. Девушка стояла и смотрела на могилу, пока задавалась вопросом: «А что, если мать никогда не хотела продавать её?» Не было никаких разговоров об этом, когда она была маленькой. Их не было до тех пор, пока клиент в пьяном угаре не выбил Мари передние зубы одним сильным ударом. В тот момент, её и без того неброская красота вовсе померкла. Не стало больше высокооплачиваемых клиентов. Не обошлось, конечно, без меценатов, готовых оплатить ее аренду исключительно для своего использования.

Именно после этого мать продала девственность Мелисанды, и та стала их кормильцем.

Если бы этого не случилось, возможно, девушка бы выросла и вышла замуж за простого мужчину. Именно этого для неё хотела тётя. Об этом мечтала Мелисанда, когда была девочкой. Она могла иметь дом, семью, мужа, который помогал бы им во всём.

Но теперь, после всего, что девушка пережила, эта мечта казалось глупой. Может быть, она не жила бы лучше, если бы навсегда оказалась привязанной к человеку, который мог пить, ходить по шлюхам и проигрывать в азартные игры все свои деньги независимо от того, кто ждал его дома. По крайней мере, будучи куртизанкой, она сама принимала решения, сама вершила свою собственную судьбу.

Какой бы не была её жизнь, и как бы она не утверждала свою независимость, эта могила — то, что ожидало Мелисанду в итоге. Она будет шлюхой ещё лет десять, плюс-минус несколько лет. Даже если ей удастся избежать шрамов или гниения от болезни, скоро она станет слишком старой, чтобы зарабатывать достаточно и прокормить себя.

Как и её мать, она найдёт низкооплачиваемую работу: стирку простыней, испачканных в сперме клиентов или, возможно, приготовление пищи. И, как и она, окажется здесь. Брошенной в грязь без имени, только в её случае, никто не будет стоять здесь, и ухаживать за могилой. Она будет гнить здесь вечно, как и любая другая мертвая шлюха в этом городе.

Мелисанда встала на колени. Она не плакала. Девушка плакала по маме сотни ночей, когда была девочкой. Эти слезы высохли много лет тому назад. Она просто закрыла глаза и вздохнула, представив, на что это было похоже, когда человек переставал дышать. По мнению церкви, она не попала бы на небеса. Застряла бы в этом месте навечно.

Колени заныли, а ноги онемели. Ощущение было такое, будто Мелисанда молилась, но у неё не было сил произнести даже одно слово. Свет, который проникал сквозь закрытые веки, начал исчезать, а воздух стал холоднее.

Девушка не слышала, чтобы кто-то приблизился, но вдруг чья-то рука обернулась вокруг её руки. Она неспешно посмотрела вверх, но девушку не заботило то, что кто-то мог причинить ей вред.

— Мелисанда, — голос Билла послышался прежде, чем она смогла сфокусировать зрение. — Что случилось? Почему ты в Поттерс Филд?

Он забеспокоился и пошёл за ней, хотя, должно быть, устал и проголодался после стольких часов работы.

— Я не хочу здесь оказаться, — прошептала она.

— Тогда поехали.

— Нет, я имею в виду, что не смогу проститься с этим местом. И даже если уеду сейчас, я вернусь.

Мужчина помог ей встать на ноги, но не отпустил девушку.

— Моя мама, — прошептала она, — она умерла.

— О, милая. Мне очень жаль.

Мелисанда кивнула, но потом движение изменилось, и она покачала головой.

— Ты это имел в виду? Когда говорил, чтобы забрать меня?

Его тело напряглось, и она насторожилась. Глупый вопрос. Это был не более чем разговор в кровати. Глубоко внутри она понимала это, правда же?

— Мелисанда... — начал он.

Девушка заставила себя улыбнуться, уже открыв рот, чтобы сказать ему, что всё было хорошо, и что она всё поняла.

Но мужчина удивил её.

— Конечно же, это я и имел в виду.

Мелисанда повернула голову и изучила выражение его лица. Могла ли она доверять ему?

— Пойдем ко мне в комнату, — Билл начал вести её к выходу, и она переставляла ноги, даже не чувствуя их наличия. — Я принесу мясо и хлеб. Мы будем обедать и греться.

Она замёрзла? Девушка остановилась и повернулась назад. Надгробие её матери уже смешалось со всеми остальными. Вскоре могилу перенесут с этого места, или она зарастет, и тогда Мари Энжел будет потеряна навсегда.

Возможно ли, что у Мелисанда могла быть другая жизнь?

— Прощай, мама, — прошептала девушка и позволила Биллу увести себя.

Глава 6

* * *

Они совсем не разговаривали до самого утра. Билл, как и обещал, отвел её к себе домой и накормил. Мужчина налил ей стакан дешёвого вина и раздел, а затем обнимал, пока она спала.

Когда Мелисанда проснулась, то не смогла понять, где находилась, потерявшись в темноте его комнаты. На мгновение, она подумала, что уже очутилась в могиле, так как была не в состоянии что-либо увидеть, и ей показалось, что погребальная плащаница запуталась вокруг её конечностей.

Билл поймал девушку за руки и потянул обратно на кровать, в попытке успокоить своим голосом, и укрыв её одеялом, чтобы согреть. Он зажёл лампу, и Мелисанда, наконец, вспомнила, где находилась.

— Ты опоздаешь, — запротестовала она, когда мужчина уселся рядом с ней.

— Едва начало светать. По крайней мере, у меня есть еще час до начала работы.

Мелисанда благодарно окунулась в его объятия.

— Во всяком случае, половина мужчин не появится до полудня после прошлой ночи.

Девушка удивлённо уставилась на Билла.

— Сейчас Новый год, — пояснил он.

Новость о матери повергла её в такой шок, что оттеснила все остальные мысли прочь.

— Мадам убьёт меня, — простонала Мелисанда.

Им было приказано надеть их лучшие платья и быть нарядными для празднующих клиентов. Делать вид, будто Новый год — нечто светлое, а не очередной год, в который они будут торговать собственными телами.

— Я думал, ты решила не возвращаться.

Да, она думала так же, но утро расставило всё на свои места.

— У меня не будет здесь достойной жизни, даже если я захочу. Я продаю себя десять лет. Слишком много людей знают меня как куртизанку.

— Поэтому мы уедем.

Он упоминал Канзас, но Мелисанда думала, что это было болтовнёй. Возможность этого мелькала у неё голове, но казалась невыполнимой. Новый Орлеан — единственное место, которое она когда-либо знала.

— Почему? — спросила девушка, едва не выкрикнув. — Зачем тебе уезжать *со мной*?

— Потому что я не жил какое-то время, — ответил Билл. — Я существовал. Работал.

Продолжал двигаться.

Мелисанда его прекрасно понимала. Порой, девушка размышляла о том, будто это единственное, что происходило с ней самой.

— И когда я встретил тебя, то начал думать, что возможно, я больше, чем человек, который потерял всё. Я начал хотеть чего-то большего. Чего-то хорошего.

Мелисанда открыла рот, чтобы указать на то, что она вовсе не была чем-то хорошим, но горло отказалось воспроизводить слова. Была ли она такой же хорошей как люди, которые посещали её? Была ли она такой же хорошей, как жены Нового Орлеана, которые притворялись, что не знали об изменах мужей? Разве она не *лучше* тех отцов, что оставили свои семьи и вынудили женщин делать всё для того, чтобы выжить?

Она проглотила уродливые слова о себе и задала более безобидный вопрос:

— Куда... куда мы поедем?

Суровое широкое лицо Билла смягчилось от её вопроса.

— На север, — сказал он с надеждой. — На запад. В любое место.

— А твоя работа? Ты строишь корабли. Как мы будем жить?

Он пожал плечами.

— Древесина — это древесина. Всё, что я делал — следовал чужой указке. Я могу строить заборы или железнодорожные пути так же легко, как корабли. У меня есть небольшие сбережения, и если ты захочешь, то мы сможем бесплатно прокатиться вверх по реке до Сент-Луиса. Я знаю нескольких капитанов. Мы можем начать оттуда. И посмотрим, куда нас это приведет.

«Север», — подумала она. Или Запад. Вдоль всей дороги до Калифорнии, если они захотят. Она сможет увидеть места, о которых только читала. Встретить людей, которые ничего не знали о ней.

Девушка позволила надежде на миг взять верх и забраться под кожу. Но она была слишком толстокожей для этого. Надежда ускользнула.

— А если мне придется работать? — негромко спросила Мелисанда.

Билл оперся локтями на стол и молча, привалился к стене.

— Если мне когда-нибудь понадобится идти своей дорогой? — настаивала она. — Иметь свои деньги? — Мелисанда притянула простынь к груди и села, чтобы встретиться с ним взглядом. — Если у нас закончатся деньги, и мне нужно будет работать, ты будешь бить меня, вспомнив, что я — шлюха?

Мужчина тяжело задышал, а его щеки покраснелись.

— Я никогда не ударю тебя. Никогда.

— Ты оставишь меня?

Это именно то, чего она так боялась? Если Мелисанда даст шанс этому мужчине, а он ничего не изменит.

Гнев исчез с лица Билла. Он покачал головой и опустил глаза. После чего мужчина сделал глубокий вдох, встретил её взгляд и снова долго смотрел на неё, прежде чем заговорил.

— Тебе нравится? — спросил он.

— Что?

— То, чем ты занимаешься.

Девушка выдержала его взгляд и честно ответила:

— Нет. Это просто работа своим телом, как и твоя. Иногда я предпочла бы заниматься

чем-то другим. Иногда я думала, что всё нормально. Не могу сказать, что мне никогда это не нравилось, но это лучше, чем быть мертвой, и лучше, нежели клянчить еду.

— Хорошо, — мужчина смотрел девушке в глаза всего мгновение, прежде чем протянул к её губам чашку. — Полагаю, если ты можешь ненавидеть и делать это, то я тоже смогу ненавидеть и понимать, что это работа.

Мелисанда не понимала, что задержала дыхание, пока не проговорилась. С облегчением, она повернула голову и поцеловала его ладонь. Девушка почувствовала некоторую лёгкость. Она могла быть его помощницей, но не могла отдать своё будущее в его руки и надеяться на лучшее. Лучший не бывает хорош во всём. Он не будет её бить, если она захочет зарабатывать деньги. Девушка не смогла бы жить иначе.

— Мы можем поехать сегодня, — предложил мужчина.

Мелисанда рассмеялась над его словами.

— Не можем, дурачок.

— Сейчас Новый год. Хорошее время для нового начала. Я соберу свои сбережения. Ты собери свои вещи. Я найду рейс на север. Всё, что нам нужно сделать — это шаг на борт.

Было ли это так просто? Просто собрать вещи, взять Билла за руку и уехать?

— Новый Орлеан всегда будет здесь, если ты вдруг захочешь вернуться, — добавил он.

Верно, не так ли? Этот прыжок в неизвестность не был таким уж пугающим, когда она знала, что может вернуться. Всегда найдется другой бордель, которому будет нужна шлюха.

— А ты? — спросила она.

— Я буду там, где будешь ты, любовь моя.

Любовь. Надежда вернулась, и навсегда поселилась в её сердце. В этот раз, девушка впитала её всеми своими порами. Это чувство погрузилось в Мелисанду и распространилось по телу девушки так, что та почувствовала себя совершенно по-новому.

Мелисанда задвигалась на нем, оседлав бедра мужчины.

— Вот теперь, — пробормотала она, когда руки Билла поднялись к её бедрам, — я здесь. И ты со мной, — его член уже находился в полутвердом состоянии. Она сжала его, почувствовав, как он увеличился и стал толще в её ладони. — У нас не получится постоянно уединяться на пароходе.

Она поймала его вздох своим ртом и ввела его член в свое тело, ощутив восторг от того, как он прошептал ее имя в поцелуе. И в конце, когда Билл простонал о своей любви к ней... впервые, Мелисанда действительно поверила ему.

Больше книг на сайте - Knigolub.net